

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(087.5)
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-98-107

«ГАЛАНТНЫЙ ДИАЛОГ» И «УЧЕНАЯ БЕСЕДА» С ДЕТСКИМ СОЗНАНИЕМ: ЕКАТЕРИНА II И А. Т. БОЛОТОВ¹

Татьяна Ивановна Акимова

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. akimova_ti@mail.ru

SPIN-код: 1592-4053

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>

ResearcherID: J-1391-2018

Статья поступила в редакцию 21.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Акимова Т. И. «Галантный диалог» и «ученая беседа» с детским сознанием: Екатерина II и А. Т. Болотов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-98-107

Please cite this article in English as:

Akimova T. I. «Galantnyy dialog» i «uchenaya beseda» s detskim soznaniem: Ekaterina II i A. T. Bolotov [“Gallant Dialogue” and “Scientific Conversation” with Children’s Mind: Catherine II and A. T. Bolotov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-98-107 (In Russ.)

Исследуются две авторские стратегии, функционирующие в произведениях второй половины XVIII в.: «галантный диалог», утверждаемый императрицей Екатериной II для адресации к просвещаемому ею читателю, и «ученая беседа», используемая А. Т. Болотовым в предназначенном для детей произведении. Каждый из писателей по-разному воспринимает детское сознание. Екатерина, изображая детей – царевича Хлора и царевича Федея, – стилизует произведение под жанр фольклорной сказки, но встраивает в него глубокое содержание: это утопическая модель построения многоуровневого счастливого общества, в котором вершинное место занимает монарх, затем идет двор и аристократия, потом – городское население, самое низшее положение отводится крестьянам. Именно они должны вызывать максимальное уважение у царевича Хлора за их тяжелый труд. А. Т. Болотов, наоборот, в обращении к детскому сознанию подразумевает необходимость адаптации ученых знаний для легкого их усвоения персонажами «Детской философии»: Феонией и Клеоном. Поэтому цель Болотова – педагогическая, которую он реализует через стратегию «ученой беседы», представляющую собой разговор просвещенной матери со своими детьми об устройстве вселенной на прогулке в саду. Писатель объясняет счастье как радость обученного детского сознания понимать законы природы. Цель Екатерины – политическая: она утверждает образ мудрой правительницы, ненавязчиво и шутливо, при помощи «галантного диалога», объясняющей просвещаемым (наследнику и аристократии) путь к счастливой жизни, заключающийся в принятии того социального устройства, которое существует, и в сосредоточении на общечеловеческих моральных заповедях.

Ключевые слова: творчество Екатерины II; «галантный диалог»; «ученая беседа»; творчество А. Т. Болотова; детское сознание; просветительская идеология.

В 1761 г. в русской литературе появляются переводы двух книг, авторы которых активно использовали диалоговые художественные формы для популяризации научных знаний. Первая книга уже была издана в 1740 г., однако в 1756 г. Синод обратился с просьбой к Елизавете Петровне о запрещении ее в России. Несмотря на это, «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля (1688), переведенные А. Кантемиром в 1730 г., но не дошедшие до русского читателя [Радовский 1959] из-за представления «коперниканской картины мира» [Клейн 2005: 491], были выпущены значительным по тем временам тиражом.

Вторая книга продолжала традицию воспитательной литературы, заложенную Петром I в «Юности честного зеркала» [Данилевский 1995: 113], и представляла собой разговор «госпожи Благоразумовой двенадцати лет» [Лепренс де Бомон 1800: 2] с девочками пяти, семи, десяти, тринадцати лет и учительницей Добронравовой – это «Детское училище» Жанны-Мари Лепренс де Бомон. В этом произведении разговоры детей сменялись рассказами им учительницей сказки и историй из Библии [там же: 18].

Через год [Привалова 1958: 245] после их появления А. Т. Болотов приступает к написанию «Детской философии, или нравоучительных разговоров между одною госпожою и ее детьми, сочиненным для поспешествования истинной пользе молодых людей», в которой ему «хотелось, чтоб дети посредством чтения находящихся в сем сочинении простых и самых детских разговоров, нечувствительно могли получить о самонужнейших к сведению вещах короткие, но колько можно яснейшие и тихие понятия...» [Болотов 1776: 11].

Судя по названию произведения, цель его заключается в воспитании не столько интеллектуальных, сколько нравственно одаренных детей. При этом Болотов уходил от жанровых возможностей сказок: он создавал произведение не просто для детей, а о детях и о переходе от детского, несмысленного поведения к осмысленным делам и поступкам своих маленьких героев. Не случайно автор заостряет внимание на изменившемся отношении пятнадцатилетней Феоны к сказочному жанру: «Бетида: Что же вы теперь о ваших сказках думаете? – Феона: О сударыня! Пожалуйста, мне об них уже и не упоминайте. Я давно их бросила и стыжусь теперь, что была до них охотница. Много есть вещей и без них, которые нам ведать и на узвание которых время употребить надобно» [Болотов Ч. 2, 1776: 6]. За этим изменившимся отношением ребенка к сказке высвечивается проблематика обращения писателя к определенному типу повествования, скрываю-

щемся за разными диалоговыми формами: «галантным диалогом» и «ученой беседой».

Следует заметить, что обращение к диалоговой форме для популяризации научных идей в области филологии было использовано ранее В. К. Третьяковым [Разговор 1748], однако его «Разговоры...», безусловно, являющиеся попыткой воспроизведения «чужого сознания» путем представления образа иностранца, пытавшегося понять русский язык, не были рассчитаны на восприятие детским сознанием. Переосмысление в этой области происходит, по видимому, в русской литературе с «последней трети XVIII века» [Имендёрфер 1998: 51], когда возникают условия, при которых «можно говорить о литературных произведениях (разного качества) с ярко выраженной функцией, т. е. с сознательной установкой на юного читателя» [там же: 51–52].

Появление в русской литературе сочинений с адресацией к детскому сознанию совпадает с распространением сентименталистской эстетики и теории, прежде всего идей руссоизма, в которых «движение к счастью приобретает характер возврата: для человека – к естественному состоянию детства, для человечества – к естественным условиям общежития» [Лотман 2000: 142]. В этой связи тема детства получает двойное звучание: и как реализация воспитательного потенциала просветительской идеологии, и как развитие естественных желаний человека – ощутить момент счастья в детской поре жизни.

Важная для просветителей концепция счастья (см.: «Сама тема счастья в интерпретации писателей XVIII в. отразила антиномии, существовавшие в мировосприятии людей этой эпохи, прежде всего противоречие между “Природой” и “Добродетелью”» [Кочеткова 2003: 178]), так многогранно литературно обыгрываемая, воплощалась в разных жанровых формах, среди которых, наверное, первое место принадлежало жанру сказки. По свидетельству Л. В. Пумпянского, сказка привлекала чтущий моральные законы петербургский двор, «потому что в центре интереса – правильный частный жизненный путь, добродетель как условие счастья» [Пумпянский 2000: 93]. Именно этот жанр, культивируемый французскими салонами, содержал установку на устную беседу, следовательно, на диалог [Строев 1990: 8]. Если во французской литературе жанр литературной сказки, пройдя сложные перипетии в своем развитии, приобрел характер возврата: появившись на свет из тела рыцарского романа, он в XVIII в. дал жизнь прозе нового типа: жанрам любовного психологического романа и сказочной повести [Строев 1990], – то в русской литературе его путь был иным:

«В середине XVIII века литературная сказка отграничивается от эпической поэмы, в конце XVIII – начале XIX столетия – уже и от романа и повести. Во всяком случае она, как правило, еще слабо соотносится с традицией устной сказки, и ее рецепция как рядовыми читателями, так и профессиональными литераторами осуществляется преимущественно в рамках письменного искусства» [Тиманова 2007: 5]. Здесь не только еще не сложились условия для восприятия детского сознания как «иног», но и сама форма салона как провозвестника диалогового общения наталкивалась на отсутствие в русской культуре традиций организации светского досуга вокруг женщины [Лотман 1985: 229].

Русским писателям необходимо было освоить различные диалоговые формы, уже ставшие в XVIII в. основой для новой французской прозы [Cazanave 2005], таким образом, книги Фонтенеля и Лепренс де Бомон предоставляли авторам искомые образцы.

«Ученая беседа», ведущаяся в «Разговорах о множестве миров», была посвящена раскрытию гелиоцентрической картины мира, однако художественная рамка этого философско-астрономического трактата, представленная в виде «галантного диалога» интеллектуального кавалера с изящной маркизой, позволяла популяризовать сухой научный текст и делать его содержание доступным другому, женскому сознанию: «“Разговоры о множестве миров” Фонтенеля – это произведение, в котором автор, стараясь не ссориться с религией, проводит новые положения в астрономии, доказывая их путем простейших, порой шуточных и остроумных доводов разума, доступных всякому неподготовленному человеку» [Шкляр 1962: 150]. Более того, сугубо научное произведение в галантной оболочке (см.: «Система Коперника в ней была изложена в форме светской беседы с маркизой, интересующейся астрономией. Автор придал науке галантный характер, освободив ее от всего “скучного”» [Блудилина 2003: 25]) получало дополнительные смыслы и функции, одна из которых состояла в распространении нового типа интеллектуального времяпрепровождения, дающего возможность получать удовольствие от беседы в ходе игры не только умом, но и чувствами. Различие между двумя типами общения состояло в способах подачи содержания разговора, зависимых от особенностей восприятия его собеседником: «ученая беседа» предполагала обмен мыслями только в профессиональной среде, тогда как «галантный диалог» заведомо велся с неравными собеседниками при имитации равно свободного общения. Неравенство могло быть различным: гендерным, социальным, интеллектуальным. «Галантный

диалог» выполнял функцию сглаживания любого дисбаланса для установления гармоничного существования. Именно поэтому он проявляется в произведениях Екатерины II, которая использует его для гармонизации социальных отношений и установления мифа о «золотом веке» ее правления. В то же время и «ученая беседа» открывала перед сочинителями новые писательские возможности, прежде всего для реализации воспитательных задач.

Интерес Екатерины II к творчеству Фонтенеля предопределялся и тем, что французский писатель в 1725 г. в Парижской Академии наук произнес «Похвальное слово Петру I». Чувствительная к распространению и популяризации положительного имиджа России императрица не могла оставить сей факт без внимания, и в 1771 г. в журнале «Трудолюбивый муравей» появляется перевод этой речи. Более того, «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля входили в «Реестр дорожной библиотеки» императрицы [Императрица Екатерина II 1894: 83–84], которую она завещала сыну, невестке и внукам. Очевидно, что произведение Фонтенеля претендовало на роль особо значимой книги для Екатерины II, ориентация на которую определялась идеологическими задачами: ей важно было продемонстрировать просветительский потенциал власти, для реализации чего использовались разные авторские стратегии, поэтому «ученая беседа» и «галантный диалог» разводились ею, воспроизводясь в разных жанрах: «Бабушкиной азбуке» и «Сказке о царевиче Хлоре» (1781).

Если в первом произведении императрица использовала дидактику и учила своих читателей умению задавать правильные вопросы (например: «Вопрос: что есть добрый гражданин? Ответ: добрый гражданин есть тот, который выполняет с точностью все гражданские обязательства; домашние яко сын, яко брат, яко муж, яко отец, яко получающий услуги, или яко отправляющий служение по состоянию, в котором находится, общественные яко в обществе живущий, и дружеские яко друг, и яко добрый сосед» [Екатерина II 2004: 59]), то во втором сочинении она аллегорично изображала мир социальных отношений, понятный воспитывающемуся в стенах дворца ребенку. Вследствие этого в «Бабушкиной азбуке» философия подавалась в виде наглядного примера («Понятно, что нравственные изречения, и притом облеченные в сжатую форму, с одной стороны наименее доступны детскому разумению, с другой – наименее способны возбуждать, привлекать и питать внимание детей» [Лавровский 1910: 97]): афоризма, анекдота или вопросно-ответной формы, а в «Сказке о царевиче Хлоре» светская философия реализовыв-

валась галантным способом, через подтекст, представленный поучительной аллегорией.

На первый взгляд «галантный диалог», как и «Разговоры о множестве миров», не могли попасть в орбиту внимания А. Т. Болотова, не только не принимающего атеистического мировосприятия, но и отчужденно относящегося к галантной традиции в целом, о чем свидетельствует его высказывание о книге Вольтера «Принцесса Вавилонская»: «По достохвальному своему обыкновению ругаться над всем, что есть хорошее в свете, шпынять наизявительнейшим образом над всеми истинами откровенного закона и над всем, что в свете за свято почитается. Шпынять над государями, над народами и над всем человеческим родом, низводить оной в равенство и собратство скотов, ополчаться против самого творца и всех известнейших и неоспоримейших исторических истин» [Болотов 1933: 210]. Известно, что в качестве источника его «Детской философии» выступала книга Лепренс де Бомон [Артемьева 2012: 11].

В то же время в «Разговорах о множестве миров» содержался один важный момент, привлекательный как для Екатерины, так и для Болотова: обучение совершалось во время прогулки по парку. Именно этот мотив воплощается в «Детской философии», в которой обучение матерью детей происходит именно в саду: «Г. Ц.: Какая это приятная погода сего дня у нас, любезные дети! Вот смотрите, какой тихий, теплый и благоарстворенный воздух! Какая тишина, какое от древ благоухание, как хорошо поют птицы. Пойдемте ж мы, светы, в лиственную беседку, которая на конце этой аллеи стоит, и там отдохнуть сядем, а между тем и говорить начнем. Птички не помешают разговорам нашим» [Болотов Ч. 1, 1776: 15].

В философии XVIII в. прогулка по саду становилась способом инициации формирующегося сознания на более высокую ступень рационального познания. Поэтому образ сада оказывался смысловым стержнем мифологемы золотого века, в которой он символизировал земной рай, трактуемый и как идеальное государство для всех подданных монарха, и как «пространство личного счастья» [Веселова 2010: 402].

Таким образом, поиск счастья становится основным мотивом философии, воссоздаваемой как императрицей Екатериной II, так и дворянином А. Т. Болотовым: «Ода "К человеку, хотящему быть счастливым" кратко излагает болотовскую концепцию счастья, базировавшуюся на философии Зюльцера и Х. А. Крузия и изложенную им в трехтомном "Путеводителе к истинному человеческому счастью" (1784). Согласно этой концепции, единственно возможная мера

человеческого земного счастья достигается путем выбора наиболее доступных и вместе с тем богоугодных удовольствий, среди которых Болотов выделяет три главных: чтение, созерцание природы и молитва. Таким образом, наслаждение природой – один из важнейших навыков, который необходим человеку, "хотящему быть счастливым"» [Веселова 2014: 33–34], но пути решения этой задачи каждым из писателей выводятся по-своему.

Болотов связывает земное счастье со знаниями о строении Земли и ее сотворении, что сопряжено с понятиями духа и стихий: «Итак, знайте, любезные дети, что Бог Дух, не видим, жив и имеет разум и волю, и помните, что все сие называется и составляет существо Божеское» [Болотов Ч. 1, 1776: 169]; «Бог хотел, чтобы мы его любили, почитали, слушали и во всем ему угождать старались. Одним словом, так жили и то делали, что ему угодно, и за то положил он намерение не только нас **ныне счастливыми сделать** (выделено нами. – А. Т.), но и после нашей смерти нам гораздо счастливейшую и такую жизнь делать, которая бы никогда конца не имела» [там же: 92].

Как видим, в понятии Болотова о счастье соединяется как религиозное, так и светское представление о духовности, выраженное и божественными (вечными, невидимыми, разумными), и душевными свойствами (нравственное самосознание) человека: «Клеон: Поэтому, сударыня, и душа наша в голове? – Г. Ц.: Надобно думать, мой свет, что в голове, потому что мыслит в нас не тело, а душа» [там же: 218]. Поэтому задача молодого человека состоит в разумном постижении свойств души и ее совершенствовании нравственными поступками. Автор «Детской философии» рисует естественнонаучную картину мира, существование которого объясняется через бытие Бога, в том числе как нравственного идеала, поэтому стремление человека к добродетели объясняется приближением к его источнику и сопряжено с познанием его физических законов: «Г. Ц.: Собственная наука, называемая Физикою, весьма пространна и глубокомысленна, и вы ей порядочным образом обучаемы быть не можете. А я по примеру прежнему буду выбирать из нее одни только нужные вещи или так сказать лучшенькие цветки, и сказывать вам только то, что к моему намерению надобно. ...Все то, что человеку в жизнь свою знать надобно и что может служить к его благополучию, может включать в следующие познания, а именно: во-первых, чтоб знать Бога, во-вторых, знать мир или свет, в-третьих, наконец, чтоб знать человека или самих себя» [там же: 42–43]. Так, вводя образ цветка как символ знания о нравственных законах, Бо-

лотов в какой-то мере предвосхищает сказку Екатерины II, в которой образ цветка будет сопряжен с образом Фелицы – счастья.

Екатерина II и в сказке, и в азбуке формирует знание, которое будет называться в XIX в. светской философией и основываться на понимании каждым здравомыслящим человеком своего места в социальной иерархии. В то же время, отрицая мистику и провозглашая себя ученицей Вольтера, императрица в «Сказке о царевиче Хлоре» выстраивает сюжет, подходящий для религиозного сочинения [Ипатов 2009: 166].

Путь, который проходит Хлор, заключается в постижении им социальной вертикали. Об этом свидетельствуют начало путешествия: спуск с горы, на которой живет маленький царевич, и его завершение: поднятие на гору, где растет роза без шипов, которая не колется. Познание мира начинается для героя со знакомства с варварскими народами и государствами, когда его похищает «Хан киргизский» – непросвещенный правитель. Следующая ступень после властителя – придворные, которые подвержены многим слабостям: они веселящиеся, ленивые, льстивые или брюзжащие, но такие недостатки присущи свету. После двора Хлор знакомится с горожанами – мещанами и купечеством, которые отличаются от светских людей хамством и грубостью.

Восхождение на гору начинается с того, что царевич Хлор постигает условия жизни тех, кто живет физическим трудом, – крестьян: «Путешественники, которые проголодались, ничем не гнушались и меж тем разговаривали с хозяином и хозяйкою, кои им рассказывали, как они живут здорово, весело и спокойно и во всяком удовольствии по их состоянию, провождая век в крестьянской работе и преодолевая трудолюбием всякую нужду и недостаток» [Екатерина II 1990: 124–125]. Затем знакомится с теми, кто трудится умственно, – обучающимися наукам юношами. Наконец, высшую ступень достигают те, кто трудится нравственно, и именно здесь, по всей видимости, в саду, где растет роза без шипов, царевич Хлор обретает земное счастье.

Изображение взаимозависимого счастья дворян и крестьян находит отражение и в книге Болотова, в которой разговор между девушками о платьях переходит в рассказ о понимании семьи, описываемой писателем, нужд своих кормильцев – крестьян: «Прошлою зимою за недородом хлеба мужикам нашим есть было нечего, и мы принуждены были последние деньги на покупку им хлеба употребить, да немало о том и не тужим, довольны тем, что они у нас по миру не ходили, как у других» [Болотов Ч. 1, 1776: 398–399]. Однако смысловые акценты расставляются автором иначе, чем у писательницы-императрицы, пред-

ставляющей на суд читателей социальную утопию. Болотов подчеркивает наличие различия между представителями одного сословия, которое заключается в выборе или отрицании ими законов нравственного самосознания, сопряженных как с религиозными заповедями, так и учением физики. Например, в «Предисловии» к «Разговорам...» он пишет: «Познание Бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшее, но вкуче и полезнейшее и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих» [там же: 3].

Екатерина II начинает «Бабушкину азбуку» с моральных заповедей светского человека, понимающего важность учения в просветительской системе координат: «Перед Богом все люди равны», «Всякое дитя родится не учено», «Долг родителей есть дать детям учение» [Екатерина II 2004: 14–15]. И хотя провозглашаемое императрицей равенство всех граждан в государстве указывало на постулаты просветителей, следующие фразы подчеркивали иерархические отношения родителей-детей, что знаменовало новые, семейные, формы общения в просвещенно-абсолютистском государстве, поскольку «Власть поручена единому ради чинения пользы множеству» [там же]. В то же время и Екатерине, и Болотову для осуществления воспитания необходимы посредники – реальные, как в «Детской философии» («Учительница: Учитесь, учитесь, любезные дети! Нельзя ничему лучше и полезнее для вас быть такой науке, какой вас ваша матушка обучает. ... Поистине можно сказать, что она ученая госпожа и вы под предводительством такой родительницы можете тысячу польз получить и счастливыми сделаться» [Болотов Ч. 2, 1776: 4]), или аллегорические, как в «Сказке о царевиче Хлоре». И если защиту царевичу Хлору осуществляет та, которая имеет волшебные рычаги управления разными силами, то спасение от ударов судьбы герои Болотова ищут именно в нравственном идеале и знаниях о мире. Вследствие этого по-разному выстраивается у авторов и диалог с читателем.

Двойственность «галантного диалога» позволяла Екатерине II адресовать свое сочинение не только детскому (потенциально главному читателю сказки – великому князю Александру Павловичу ко времени написания сказки было не более пяти лет), но и взрослому сознанию, а в царевиче Хлоре аллегорически зашифровать не только своего внука, но и русское дворянство, по-матерински воспитываемое императрицей. Этот же прием прослеживается и в «Бабушкиной азбуке», в которой, правда, и вопросы, и ответы даются самой императрицей и не требуют какого-либо комментария со стороны читателя. Другое дело – жанр салонной сказки, который поз-

волял контекстно создавать диалоговую ситуацию, чем и воспользовался Г. Р. Державин в оде «Фелица».

Совершенно иначе работает с детским сознанием А. Т. Болотов. Развлекательная составляющая его произведения реализуется в театральной форме, поэтому диалоги между матерью и детьми, а также между детьми изображаются по сценическим правилам:

Г. Мелинда (к Клеону, который в самое то время вошел в сад): Скажите, батюшка, пожалуйста, какой науке вы с сестрицею учитесь?

Клеон: Я, сударыня, не знаю, как она называется, только знаю, что она нам очень нужна и учит, как нам себя счастливыми сделать, и очень весела.

Г. Мелинда: О! Поэтому надобно это какой-нибудь особой науке быть, о какой я не слыхивала.

Клеон: Конечно, сударыня, не слыхивали, да и учимся мы ей не так, как прочим наукам учатся. Мы, так сказать, играючи ей обучаемся. Матушка изволит с нами гулять и нам рассказывать, а мы только слушаем [Болотов Ч. 1, 1776: 385–386].

Все, не относящееся к беседе, подается в виде ремарки, в том числе и авторские отступления. Ср.: ремарка из первого разговора: «Феона (приехав из гостей от госпожи Доримены вместе с братом своим Клеоном)» [там же: 1]; из третьего разговора: «Г. Ц. (пришел в сад и увидя детей своих в аллее ходящих)» [там же: 34]; из четвертого разговора: Клеон (будучи с сестрою своею уже в саду, увидев мать свою к себе идущую) [там же: 65].

Более того, законы классицистической пьесы диктуют Болотову соблюдение единства места и времени: беседы проходят в одно и то же время (после обеда) и в одном и том же месте (в беседке), а диалог, как правило, не прерывается другими сюжетными линиями, что позволяет говорить и о единстве действия. Повествовательная драматургия дает автору возможность сконцентрироваться на изменении, происходящем в сознании героев, показать, как от непослушных детей они превращаются во вдумчивых взрослых, разбирающихся в непростой жизни их матери-вдовы: «Вам необходимо, мои любезные дети, знать, что хотя так и кажется нам, что все на свете по слепому случаю нечаянно или просто делается. Например: нам кажется, что это так просто и по случаю сделалось, что у вас теперь отца нет, что я ваша мать, а вы мои дети, что мы живем здесь в деревне, что у нас есть люди и крестьяне; они на нас работают и нам служат; или что у вас в прошлом году брат умер, а теперь, например, тетка ваша больна, дядя на

войне убит...» [Болотов Ч.1, 1776: 66]. Поэтому именно вопросы детей становятся показателем происходящих с ними изменений, воспроизведением этапа взросления: «Клеон: Что касается до меня, то мне как-то сие удивительно и я как-то не очень сие понял, не можно ли, матушка, растолковать мне сие яснее?» [там же: 304].

Герой сказки Екатерины по закону жанра эпичен, ему дано все изначально, в том числе и знание, что уже отличает его от всех остальных детей. Его задача – пройти испытание, которое вызвано изменением обстановки: Дом – плен, чужие края, непросвещенное окружение. Поскольку получить знание в непросвещенной стране сложнее, автор вводит аллегорических персонажей-посредников, например, Рассудок – учитель человечества от ошибок – должен привести героя к добродетели и продемонстрировать непросвещенному правителю мудрость царевича Хлора. Имитация фольклорной сказки – один из признаков жанра, формирующегося в салоне и отвечающего параметрам галантного стиля и «галантного диалога». В то же время обращает на себя внимание странное имя героя екатерининской сказки – Хлор. В 1774 г. Карл-Вильгельм Шееле (1742–1786) открывает новый химический элемент – хлор, а в 1777 г. (в год рождения великого князя Александра Павловича) появляется сочинение шведского ученого на немецком языке «Химический трактат о воздухе и огне» («Abhandlungen von der Luft und dem Feuer») [Шееле 1903: 367]. Знаменательно, что Фридрих II безуспешно приглашает шведа, работающего аптекарем, занять пост профессора Берлинского университета. В 1781 г. (в год написания сказки) труд шведского ученого появляется на французском языке. И Екатерина II демонстрирует западным читателям свое знакомство с трудом ученого-химика, ведя уже ученую беседу с взрослым сознанием.

Таким образом, представленная в детских произведениях философия разнится по тому, каким у императрицы и писателя-ученого видится мир глазами ребенка: наделенным мудростью и добродетелью, который имеет мистический характер и понятен лишь посвященным, или рисуется картина мироустройства, зависящего от существующего правления и личности монарха. Следует заметить, что социальный статус, безусловно, учитывался писателями как фактор влияния на формирование детского мировоззрения, однако значительное различие во взглядах детей предопределялось другими обстоятельствами: возрастом (а это значит, что впервые возникает возрастная градация в поведении детей), общением и чтением книг. И в этом и Екатерина, и Болотов были единомышленны. Созданные

ими произведения диалоговой формы претендовали на право первых книг – т. е., книг, формирующих начальные понятия об окружающем мире. Данная функция указывала на характер инициации, который неизменно возникал при обоих типах диалога, однако именно выбор пути в достижении разных целей заставлял сочинителей прибегать к различным изобразительным приемам.

По-разному писательница-императрица и писатель-ученый выстраивали в своих книгах формулу счастья. Болотов учил детей находить его в самом себе, в работе своего сознания и разграничении своего и чужого в окружающем мире, чему соответствовал поиск гармонии душевной, не связанной с жизнью света. «Ученая беседа» автора «Детской философии» заключалась в раскрытии неразделимых религиозных и светских знаний, сообщаемых напрямую, поданных в виде вопросов-ответов, которые озвучивались новыми героями прозы XVIII в. – женщинами и детьми, являющимися, в отличие от ученых-педантов, непросвещенными людьми, от чего воспитательный потенциал произведения лишь усиливался.

Екатерина II, используя «галантный диалог», зашифровывала в сказке идеи о гармонизации социального устройства и воспитывала читателей жить в обществе таким образом, чтобы их жизнеустройство не мешало получению удовольствия от жизни другим лицам. «Бабушкина азбука» демонстрировала умелое сочетание религиозных воззрений со светскими, гражданскими законами, что также отвечало задачам государыни создавать справедливое мироустройство, в котором каждый должен найти свое место, руководствуясь разумными действиями.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

Список литературы

Артемяева Т. В. Микешин М. И. Страсти души Андрея Болотова. Детская философия. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 854 с.

Блудилина Н. Д. Предисловие // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 2. С. 8–57.

Болотов А. Т. Детская философия, или нравоучительные разговоры между госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М.: Император-

ский Московский университет, 1776. Ч. 1. 401 с.; 1779. Ч. 2. 368 с.

Болотов А. Т. Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 1933. Т. 9–10. С. 190–199.

Веселова А. Ю. Натурологическая поэзия А. Т. Болотова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук). Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2014. С. 28–34.

Веселова А. Ю. Садово-парковое искусство и праздничная культура в России XVIII – начала XIX века // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2010. С. 356–403.

Данилевский Р. Ю. 1725 – начало 1760-х годов: Классицизм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.: ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 1995. С. 94–141.

Екатерина II. Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. 96 с.

Екатерина II. Сочинения. М.: Современник, 1990. 557 с.

Имендёрфер Е. Первые детские басни в России XVIII века // Русская литература. 1998. № 2. С. 51–64.

Императрица Екатерина II. Цесаревич Павел Петрович и Великая княгиня Мария Федоровна. Письма, заметки и выписки. 1782–1796. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. V, 214, 30 с.

Ипатов А. С. К вопросу о литературных источниках «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II // Пушкинские чтения 2009: материалы XIV междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. С. 162–170.

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки слав. культуры, 2005. 576 с.

Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. СПб.: Наука, 2003. Сб. 18. С. 172–186.

Лавровский Н. А. Педагогические руководства Екатерины II // Покровский В. И. Екатерина II. Её жизнь и сочинения: сб. историко-литературных статей. Изд. 2-е. М.: Склад в книжном магазине В. Спиридонова и А. Михайлова, 1910. С. 95–119.

Лепренс де Бомон, М. Детское училище, или Разговоры благоразумной наставницы с ее воспитанницами / пер. с фр. М.: Губ. тип., у А. Решетникова, 1800. 382 с.

Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. //

Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 222–230.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 139–206.

Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Привалова Е. П. А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 242–261.

Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 30–157.

Строев А. Ф. Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–32.

Тиманова О. И. Русская литературная сказка второй половины XVIII – первой половины XIX века: становление жанра. СПб.: Наука, САГА, 2007. 330 с.

Тредиаковский В. К. Разговор между Чужестранным человеком Российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи. СПб.: Имп. Акад. наук, 1748. 464 с.

Шееле К.-В. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 367.

Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1962. Сб. 5. С. 129–152.

Cazanave C. Le dialogue au XVIIe siècle en France : un genre français moderne ? Éléments pour une mise au point // Dix-septième siècle. 2005/3 (n°228). P. 427–441.

References

Artem'eva T. V., Mikeschin M. I. *Strasti dushi Andrey Bolotova. Detskaya filosofiya* [Passions of Andrey Bolotov's soul. Children's philosophy]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 854 p. (In Russ.)

Bludilina N. D. Predislovie [Preface]. *Rossiya i Zapad: Gorizonty vzaimopoznaniya. Literaturnye istochniki 18 veka (1726–1762)* [Russia and West: Horizons of mutual cognition. Literary sources of the 18th century (1726–1762)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, issue 2, pp. 8–57. (In Russ.)

Bolotov A. T. *Detskaya filosofiya, ili nравоучitel'nye razgovory mezhdru gospozhoyu i ee det'mi, sochinennye dlya pospeshstvovaniya istinnoi pol'ze molodykh lyudei*. [Children's Philosophy, or Didactic Conversations between a Madam and Her Children Made for Young People's Benefit]. Moscow, Imperial Moscow University Publ., pt. 1, 1776, 401 p.; pt. 2, 1779, 368 p. (In Russ.)

Bolotov A. T. Mysli i bespristrastnye suzheniya o romanakh kak original'nykh rossiyskikh, tak i perevedennykh s inostrannykh yazykov Andrey Bolotova [Andrey Bolotov's thoughts and impartial judgments of novels both original Russian and translated from foreign languages]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary inheritance]. Moscow, IWL RAS Publ., 1933, vols. 9–10, pp. 190–199. (In Russ.)

Veselova A. Yu. *Naturologicheskaya poeziya A. T. Bolotova* [A. T. Bolotov's naturologic poetry]. *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse (pamyati Rimmy Mikhaylovny Lazarchuk)* [Memory as a mechanism of culture in the Russian literary process (In the memory of Rimma Mikhaylovna Lazarchuk)]. Cherepovets, Cherepovets State University Press, 2014, pp. 28–34. (In Russ.)

Veselova A. Yu. *Sadovo-parkovoe iskusstvo i prazdnichnaya kul'tura v Rossii 18 – nachala 19 veka* [Landscape art and festive culture In Russia of the 18th – early 19th century]. *Okkazional'naya literatura v kontekste prazdnichnoy kul'tury Rossii 18 veka* [Occasional literature in the context of the festive culture of Russia of the 18th century]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Press, 2010, pp. 356–403. (In Russ.)

Danilevskiy R. Yu. 1725 – nachalo 1760-kh godov: Klassitsizm [1725 – the beginning of the 1760s: Classicism]. *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus'. 18 vek*. [History of the Russian translated fiction. Old Rus'. The 18th century]. St. Petersburg, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences Publ., 1995, vol. 1. Proza [Prose], pp. 94–141. (In Russ.)

Catherine II. *Babushkina azbuka velikomu knyazyu Aleksandru Pavlovichu* [Grandmother's alphabet to the grand duke Alexander Pavlovich]. Moscow, Moscow Humanitarian Institute named after E. R. Dashkova Publ., 2004. 96 p. (In Russ.)

Catherine II. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 557 p. (In Russ.)

Imenderfer E. *Pervye detskie basni v Rossii 18 veka* [The first children's fables In Russia of the 18th century]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1998, issue 2, pp. 51–64. (In Russ.)

Imperatritsa Ekaterina II, Tsesarevich Pavel Petrovich i Velikaya knyaginya Mariya Fedorovna. Pis'ma, zametki i vypiski. 1782–1796 [Empress Catherine II, Tsesarevich Pavel Petrovich and Grand duchess Maria Fiodorovna. Letters, notes and extracts. 1782–1796]. St. Petersburg, Publishing House of V. S. Balashev, 1874. V, 214, 30 p. (In Russ.)

Ipatova S. A. *K voprosu o literaturnykh istochnikakh «Skazki o tsareviche Khlore» Ekateriny II* [To the question of literary sources of "The Story of Tsarevich Chlor" of Catherine II]. *Pushkinskie*

chteniya 2009. Mater. XIV mezhd. nauch. konf. [Pushkin readings 2009. Proceedings of the 14th international scientific conference]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Press, 2009, pp. 162–170. (In Russ.)

Klein I. *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoy literature 18 veka* [Ways of cultural import: Scientific works on Russian literature of the 18th century]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 576 p. (In Russ.)

Kochetkova N. D. Tema «zolotogo veka» v literature russkogo sentimentalizma [The theme of the “Golden Age” in literature of Russian sentimentalism]. *18 vek* [The 18th century], St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, coll. 18, pp. 172–186. (In Russ.)

Lavrovskiy N. A. Pedagogicheskie rukovodstva Ekateriny II [Catherine II's Pedagogical Instructions]. *Pokrovskiy V.I. Ekaterina II. Ee zhizn' i sochineniya. Sb. istoriko-literaturnykh statey* [Pokrovskiy V. I. Catherine II. Her life and essays. Collection of historico-literary articles]. 2nd edition. Moscow, Warehouse in the bookshop of V. Spiridonov and A. Mikhaylov Publ., 1910, pp. 95–119. (In Russ.)

Leprince de Beaumont J.-M. *Detskoe uchilishche, ili razgovory blagorazumnoy nastavnitsy s ee vospitannitsami* [The Young Ladies Magazine: or, Polite Tutoress. Containing Dialogues Between a Governess and Several Young Ladies of Quality]. Moscow, Publishing House of A. Reshetnikov, 1800. 382 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. «Ezda v ostrov lyubvi» Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury v russkoy kul'ture pervoy poloviny 18 v. [“Driving to the island of love” by Trediakovsky and function of translated literature in the Russian culture of the first half of the 18th century]. *Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya* [Issues of studying cultural heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 222–230. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Russo i russkaya kul'tura 18 – nachala 19 veka [Russo and Russian culture of the 18th – the early 19th century]. Lotman Yu. M. *Sobranie soch.* [Collection of works]. *Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya* [Russian literature and culture of Enlightenment]. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2000, vol.1 *Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya* [Russian literature and culture of Enlightenment], pp. 139–206. (In Russ.)

Radovskiy M. I. *Antiokh Kantemir i Peterburgskaya Akademiya nauk* [Antiochus Kantemir and St.

Petersburg Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 112 p. (In Russ.)

Privalova E. P. A. T. Bolotov i teatr dlya detey [A. T. Bolotov and theater for children]. *18 vek* [The 18th century]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, vol. 3, pp. 242–261. (In Russ.)

Pumpyanskiy L. V. K istorii russkogo klassitsizma [To the history of Russian classicism] *Pumpyanskiy L.V. Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition: Collection of works on history of the Russian literature]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 30–157. (In Russ.)

Stroev A. F. Sud'by frantsuzskoy skazki [Fate of the French fairy tale]. *Frantsuzskaya literaturnaya skazka 17–18 vekov* [French literary fairy tale of the 17th – 18th centuries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 5–32. (In Russ.)

Timanova O. I. *Russkaya literaturnaya skazka vtoroy poloviny 18 – pervoy poloviny 19 veka: stanovlenie zhanra* [The Russian literary fairy tale of the second half of the 18th – first half of the 19th century: formation of the genre]. St. Petersburg, Nauka Publ., SAGA Publ., 2007. 330 p. (In Russ.)

Trediakovskiy V. K. *Razgovor mezhdru chuzhestrannym chelovekom y rossiyskim ob orfografii starinnoy i novoy i vsem, chto prinadlezhit k sey materii* [The conversation between a foreigner and a Russian person about ancient and new spelling and everything that belongs to this matter]. St. Petersburg, *Imperial Academy of Sciences Publ.*, 1748. 464 p. (In Russ.)

Scheele C. W. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*. [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, 1903, vol. 39. 367 p. (In Russ.)

Shklyar I. V. Formirovanie mirovozzreniya Antiokha Kantemira [Formation Antiochus Kantemir's worldview]. *18 vek* [The 18th century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962, vol. 5, pp. 129–152. (In Russ.)

Cazanave C. Le dialogue au 17e siècle en France: un genre français moderne? Éléments pour une mise au point [Dialogue in the 17th century in France: a modern French type? Elements to focus]. *Dix-septième siècle*. [The seventeenth century], 2005/3 (n° 228), pp. 427–441. (In French).

**“GALLANT DIALOGUE” AND “SCIENTIFIC CONVERSATION”
WITH CHILDREN’S MIND: CATHERINE II AND A. T. BOLOTOV**

Tatiana I. Akimova

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

Ogarev Mordovia State University

68, Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russian Federation. akimova_ti@mail.ru

SPIN-code: 1592-4053

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>

ResearcherID: J-1391-2018

Submitted 21.05.2018

The article considers two author’s strategies functioning in works of the second half of the 18th century: a “gallant dialogue”, used by empress Catherine II when addressing the reader being educated by her, and a “scientific conversation”, used by A. T. Bolotov in his work intended for children. Both authors refer to two sources: *Conversations on the Plurality of Worlds* by B. Fontenelle, in which the model of the “gallant dialogue” is given, and *Children’s School* by L. De Beaumont; but each of the writers perceive children’s mind differently. Catherine, representing children (tsarevitch Khlor and tsarevitch Fevey), stylizes the work according to the genre of a folklore fairy tale, but fills it with deep ideas: it is a utopian model of creating a multilevel happy society in which the top place is taken by the monarch, then there is the court and aristocracy, further – urban population, and the lowest position is held by peasants. The latter are to be respected at most by tsarevitch Khlor for their hard work. Appealing to children’s mind, A. T. Bolotov, on the contrary, deems it necessary to adapt scientific knowledge for its easier comprehension by the characters of his *Children’s Philosophy*: Feona and Kleon. Therefore, Bolotov’s purpose is pedagogical, and it is implemented with the help of a “scientific conversation”, representing a conversation between an educated mother and children about the Universe system during their walk in the garden. The writer explains happiness as joy of educated children’s mind to understand the laws of nature. Catherine’s purpose is political: by means of a “gallant dialogue”, in an unostentatious and playful manner, she sets the image of a wise ruler explaining to those being educated (to the successor and aristocracy) the way to happy life, which implies the acceptance of the existing social order and observance of universal moral precepts.

Key words: Catherine II’s creative work; “gallant dialogue”; “scientific conversation”; A. T. Bolotov’s creative work; children’s mind; educational ideology.